

ЛЮБИМАЯ ОПЕРА ЧАЙКОВСКОГО

С большим творческим волнением Ленинградский орден Ленина Малый оперный театр работал над замечательной оперой П. И. Чайковского «Черевички».

«Я писал эту музыку, — говорил Чайковский, — как «Онегина», 4-ю симфонию и 2-й квартет». И действительно, чем глубже постигаешь музыку «Черевичек», тем яснее становится, что это произведение стоит в первом ряду лучших творений Чайковского. Тем удивительнее кажется судьба этой оперы, всегда считавшейся не репертуарной, не пользующейся успехом у публики.

Премьера «Черевичек», состоявшаяся в Марининском театре в 1876 г., успеха не имела, и Г. А. Ларош после этого писал Модесту Чайковскому: «Публика ожидала юмора в стиле «Севильского цирюльника» и была разочарована, столкнувшись с слишком пресной фантастикой и эгегическим налетом всей оперы».

В 1884 г. Чайковский переделал оперу «Кузнец Вакула» (так она называлась в первой редакции), переименовал ее в «Черевички» и дописал четыре номера: дуэт Оксаны с Вакулой, песенку школьного учителя («Баба к бесу привзалас»), думу Вакулы у мельницы и куплеты светлейшего («Петрограду возвести!»).

В 1885 г. композитор переинструментовывает оперу. «Выбрасываю худое, ввожу хорошее, делаю все, чтобы любимая моя опера вынырнула из реки забвения», — писал Чайковский. Премьера «Черевичек» состоялась 19 января 1899 г. в Московском Большом театре. Но и на этот раз произведение встретило недоброжелательное отношение со стороны публики.

Ларош так характеризовал «Черевички»: «Четвертая в хронологическом порядке опера Чайковского на первый взгляд имела либретто ослепительно богатое и неотразимо заманчивое. Если руководиться мнением тех наивных людей, по уверению которых Мейербер «хватался за какой угодно сюжет, лишь бы было напичкано побольше эффектов», то Мейербер от либретто Я. П. Полонского пришел бы в восторг. Чего-чего только нет в этой сокровищнице русского юмора, русской удал, русских сказочных чудес! Северная зима с ее метелью и выюгой, северная мифология с ее чертами, ведьмами и русалками, малороссийская деревня с ее оригинальными и забавными типами; среди всей этой захламленной простоты, среди всех этих суеверных страхов — Петербург с его сказочным блеском и могуществом. Петербург Державина, Потемкина и Фелицы».

«Для Чайковского же это либретто было ценнее, чем для кого-нибудь. Оно давало пищу и его любви к русской зиме, и его поклонению великой Екатерине, и фантастическому элементу, просыпавшемуся в нем, и постоянному и горячему культу Гоголя, наконец, комической жилке, глубоко скороненной в нем под толстыми слоями мировой скорби».

В 1902 г. «Черевички» были поставлены в Московском театре частной оперы; дирижировал М. М. Ипполитов-Иванов. В 1906—07 гг. их возобновили в Марининском театре в декорациях Аллегри и постановке Палечека. В 1916 г. опера «Черевички» в постановке Лапицкого (дирижер Маргулян) шла в Музыкальной драме.

В январе 1930 г. «Черевички» снова ставятся в Ленинградском ГОТОВ режиссером Эм. Каплан, дирижером Дранишниковым и художником Дмитриевым. Спектакль получился формалистический. Постановщики шли не от музыки. Они ставили перед собой задачу пересмотреть смысловую канву либретто, трактуя спектакль в целом, как «уличную игру парубков и дивчат, с включением в нее элементов классового подхода». Естественно, что такой спектакль не мог долго продержаться на сцене.

Каковы бы ни были в прошлом сценические неудачи «Черевичек», я все же глубоко верю, что при правильном постановочном истолковании оперы можно и должно доказать, что «Черевички» — одна из лучших опер Чайковского. Недаром же Чайковский говорил: «В судьбу «Черевичек» как репертуарной оперы я, безусловно, верю и считаю ее по музыке едва ли не самой лучшей своей оперой».

Эту глубокую веру Чайковского мы должны оправдать, и путь к этому — правильное раскрытие музыки в сценическом образе, в поведении действующих лиц, в оформлении спектакля в целом.

Решает удачу спектакля его сущность — музыка. Эгегическая в лирических местах, полная таинственности в сценах фантастики, патетическая в петербургской сцене, музыка «Черевичек» в этих трех потоках сливается в единое целое. Чувство любви Вакулы и Оксаны полно у Чайковского неудержимой страстности. Эту страстность мы стремимся показать в нашем спектакле. Мы хотим слить воедино фантастические и лирические элементы спектакля. Реализм в искусстве вовсе не исключает фантастики или гротеска, но мы отвергаем шарж, лубочность, балаган, сценическую гиперболу.

Зрители «Черевичек» должны унести со спектакля впечатления, вызванные сказкой о чудесной любви Вакулы к Оксане. Мы должны разбудить в зрителе как бы непосредственные ощущения детства со всей былой таинственностью и привлекательностью рождественской ночи. Не «преодоление» и вульгарно-социологическое истолкование Гоголя и Чайковского, а искренность, эгегичность и размах фантазии со всей непосредственностью, «наивностью» и верой в «чудеса» рождественской ночи, колядок — вот что диктует музыка, такая серьезная и глубокая, точно сам Чайковский верил во все то, что происходит на сцене и в событиях «Ночи перед рождеством». В этом представляется мне правильное решение спектакля.

Заслуженный артист РСФСР
А. Б. ВИНЕР